

ИНТЕРВЬЮ У ТРАПА

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА

Российская газета - 1992 - 28 мая - с. 8

Встречаться с писателем Сергеем Калединым всегда соблазнительно. Излучая большую жизненную энергию, он притягивает незаурядным видением происходящего вокруг.

— Что испытывает писатель, из дальних странствий возвращаясь? Сладок ли ему дым Отечества?

— Ой, до чего сладок и приятен. На презентацию моей книжки в Германии со мной впервые ездила моя мама. И вот она, очень русский по духу патристически настроенный человек, увидев мою тамошнюю, заграничную, жизнь, сказала: «Я только сейчас всерьез задумалась, как ты возвращаешься назад?..»

Я побывал во многих странах. Но никогда не уеду из России.

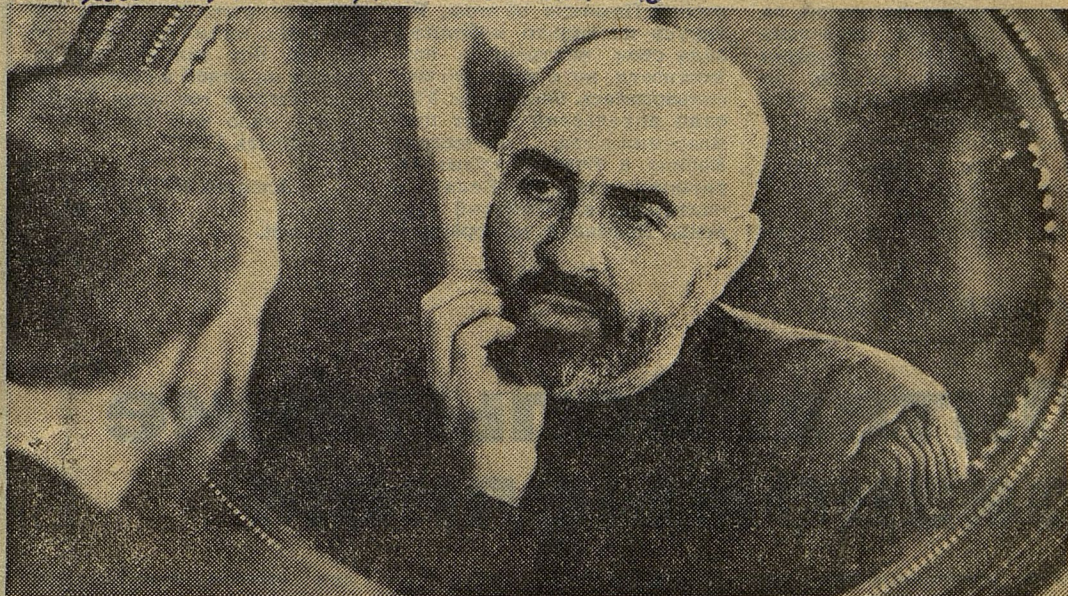
Без России я не мог бы жить. Это была бы творческая, а соответственно и физическая смерть. Я русский писатель, связанный русским словом. И всегда возвращаюсь сюда с радостью.

— Даже теперь, когда у нас так уныло, грязно, шатко? Вы были недавно в весеннем празднично-нарядном Париже, и, говорят, вам сопутствовал успех.

— Это было совершенно неожиданно. «Стройбат» — повесть со скандальной историей из-за того, что советская жандармерия не пускала ее в свет, нашла продолжение в замечательном спектакле Льва Додина «Гаудеамус». Лев Абрамович отступил от моей инспенировки и создал по существу новую вещь. Спектакль с аншлагом курсирует по миру: Лондон, Барселона, Мадрид, Женева, Париж, Канн, Марсель, Лион.

Я был свидетелем его успеха в Париже и Мадриде. В парижском театре «Бабиньи» тысяча мест, и трудно было представить, что в течение месяца на них найдется покупатель. Но зал был полон, люди кричали, а порою и плакали.

Наверное, это объясняется тем, что литература совпала с хорошей драматургией Додина, а главное — с историческим моментом.

— Инфекция нашей всеобщей политизированности не миновала и вас?

— За рубежом никто мало-мальски уважающий себя не будет слушать новости из парламента и тем более брать в голову данную неприглядную сторону жизни. Голова нужна для работы и других дел. Погружаться в политику человеку, далекому от нее, неразумно. А вот как можно лучше делать свое конкретное дело, ничего не бояться, не зависеть ни от какой информации — это да.

— Как обстоят конкретные дела у писателя Каледина?

— Не очень хорошо. За рубежом издают, а у нас не вышло ни одной книги. Деньги авансом получил, а бумаги нет, картона нет, красок нет...

Сейчас пишу сценарии к двум совместным с французами и немцами фильмам по «Стройбату» и повести «Поп и работник». Но это не основная работа. Буду продолжать роман-хронику «Коридор». Действие там начинается в середине XIX века, когда мой прадед пошел освобождать Болгарию от янычар. Хочу довести эту семейную хронику до сегодняшнего дня, чтобы Сергей Каледин писал про Сергея Каледина.

— Ныне, когда можно писать о чем угодно, многие ваши коллеги пребывают в растерянности, оставаясь наедине с пером и бумагой. Может быть, поэтому кто-то кинулся в политику, кто-то в бизнес. Выходит, смутное время способствует потере нюха — самой опасной для писателя?

— Потерять нюх — это потерять жизнь. Это стубило Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Блока. Все лучшие люди погибали от этого. Самое страшное — проснуться утром и почувствовать, что ты лишился таланта, который вчера еще, кажется, у тебя был. Это — сигнал Господа Бога: все, закрылась лавочка, писать больше не надо! Вот это и есть Бог. Не перковь, не ладан, не образ — это все необходимо для ритуала не более. А такой посыл Господа ранит сердце и душу. И Хемингуэй ищет ружье, и Фицджеральд спивается, и Стейнбек начинает мотаться по Америке... У всех практически одинаковый сценарий, никакого разнообразия нет.

Наше время, когда никто в себе не уверен, способствует росту самоубийств, психических заболеваний. А писательская братия тем более

никому не нужна. Писатели захлестили книжный рынок, дискредитировали само понятие писательства...

— Такие страсти кипят в вашем союзе?

— На самом деле никаких страстей нет. Есть только одна: «Кушать хочется». 10 тысяч членов Союза писателей, каждый был сыт, обут, одет. Сейчас из них будут печатать 50, а 9950 должны уйти.

— Как смотрите вы в будущее?

— «В надежде славы и добра». Я готов к переменам. Напишу хорошо — у меня купят книгу, плохо — нет. Это — нормально. И среди множества писателей пусть останутся 2 процента, которые не могут не писать. Я не уверен, что буду в их числе. Уже дышат в затылок молодые ребята, такие, как Иван Алексеев, Дмитрий Бакин, Зуфар Гареев, Людмила Улицкая, Илья Митрофанов, Борис Косфин, Игорь Иртенев. Они дышат прекрасно, не перегаром, не застоем, не смрадом гнилых зубов, а свободным духом, наполняя легкие чистым кислородом. И, дай Бог, на таких, как они, Россия выстоит.

Беседу вела
Татьяна ИЛИНА.
Фото Алексея Лохова.